А 158/1009

БОГДАНОВ

ДЕДУШКА КРЫЛОВ

А 158/1009

A 158
1009

158
1009

нет в.об.

МАСТЕРСКАЯ П. К. КЛОДТА.

Дозв. ценз. Спб. 18 Апрѣля 1896 г. Тип. Глазунова, Казанская 8.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

СОСТАВИЛЪ СЕЛЬСКІЙ УЧИТЕЛЬ

ПЕТРЪ БОГДАНОВЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Апрѣля 1896 г.

58630-0

2014243651

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый сборникъ, составленный учителемъ одной изъ земскихъ, сельскихъ, школъ Новгородской губерніи, П. И. Богдановымъ, имѣетъ ввиду дать народу выборъ только тѣхъ басенъ Крылова, которыя были прочитаны и разобраны въ классѣ, какъ самимъ Г. Богдановымъ, такъ и многими учителями другихъ сельскихъ школъ. Эти басни, наиболѣе нравившіяся и понятныя народу, читались съ особенной охотой и грамотными взрослыми, и прочитывались и разъяснялись безграмотному люду учителями,—наконецъ, выразительно произносились дѣтьми на маленькихъ школьныхъ литературныхъ чтеніяхъ. Такимъ образомъ, сборникъ представляетъ опытъ дать изъ Крылова то, что наиболѣе интересно и доступно дѣтямъ и взрослымъ даже глухой деревни (болѣе трети всѣхъ басенъ Крылова—69).

Въ приложенной къ книжкѣ нашей статьѣ, кромѣ краткихъ свѣдѣній біографическихъ о великомъ баснописцѣ, разсказана исторія созданія знаменитаго памятника Крылову, въ Петербургѣ, въ

Лѣтнемъ саду, переданная намъ сыномъ покойнаго скульптора, Барона Петра Карловича Клодта, извѣстнымъ нашимъ живописцемъ, Михаиломъ Петровичемъ Клодтомъ, нарисовавшимъ, по памяти, и прилагаемое изображеніе мастерской своего отца, которое въ статьѣ нашей и разъясняется.

Викторъ Острогорскій.

Петербургъ,
14 Февраля 1896 г.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ

И ЕГО ПАМЯТНИКЪ.

Болѣе полувѣка назадъ, въ четвергъ утромъ, 9-го ноября, 1844 г., тихо скончался, почти семидесяти семи лѣтъ отъ роду, знаменитый русскій баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, прозванный еще при жизни „*Дѣдушкой*“. Скончался онъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ купца Блинова, по Первой линіи, близъ набережной. Переѣхалъ онъ туда года за три до смерти, выйдя въ отставку изъ библіотекарей Публичной библіотеки, гдѣ служилъ и проживалъ на казенной квартирѣ, на углу Невскаго просп. и Садовой, цѣлыхъ тридцать два года.

Благодаря закону, по которому, черезъ 50 лѣтъ по смерти писателя, всякій въ Россіи получаетъ право издавать его сочиненія, — чудныя басни Дѣдушки съ 1894 года являются въ безчисленныхъ экземплярахъ дешевыхъ изданій. Милліоны бѣдныхъ русскихъ грамот-

ныхъ дѣтей и сотни бѣднѣйшихъ школъ получаютъ возможность за нѣсколько копѣекъ имѣть полное собраніе этихъ басенъ.

О жизни Дѣдушки читатели, вѣроятно, уже кое-что знаютъ изъ жизнеописанія (біографіи), прилагаемаго обыкновенно къ баснямъ, почему мы и напомнимъ только о главныхъ событіяхъ его жизни. Долгая жизнь Дѣдушки можетъ быть раздѣлена на двѣ половины: дѣтство и юность, когда пришлось ему видѣть бѣдность и не мало горя, и годы зрѣлости и старости, когда своими баснями пріобрѣлъ онъ всеобщую любовь и извѣстность.

Всѣ его почитали, хвалили, вездѣ принимали, какъ дорогого гостя, остроумнаго собесѣдника и удивительнаго, неподражаемаго, чтеца своихъ басенъ. Посторонніе люди, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, кланялись ему; а няньки, и родители, встрѣтивъ его въ Лѣтнемъ саду, гдѣ онъ любилъ въ старости гулять, говорили дѣтямъ:

— Это дѣдушка Крыловъ!

Не только простые люди, но и самые большіе вельможи искали съ нимъ знакомства. Даже Императрица Марія Ѳеодоровна, мать Императора Николая Павловича, приглашала его во дворецъ, въ Павловскѣ; сама изъ своихъ рукъ его угощала, зная, что онъ любилъ покушать, а въ награду себѣ просила читать басни. А когда старикъ заболѣлъ, она перевезла больного въ Павловскъ и велѣла лѣчить его своему придворному доктору.

Въ благодарность Государынѣ за ея вниманіе Дѣдушка сочинилъ для нея басенку „Василекъ“ и, по ея просьбѣ, собственноручно вписалъ ее въ альбомъ Государынѣ, хранящійся въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ.

Не разъ приглашался Дѣдушка и Императоромъ Николаемъ Павловичемъ къ Высочайшему столу, и на придворные маскарады, гдѣ, на одномъ изъ нихъ, уже не задолго до своей смерти, старикъ, одѣтый бояриномъ, читалъ свою басню „Вельможа“.

А когда въ 1838 г. исполнилось 50 лѣтъ его писательству, тотъ же Императоръ повелѣлъ торжественно чествовать его юбилей въ залѣ Петербургскаго Дворянскаго собранія, гдѣ, въ присутствіи многихъ вельможъ и многихъ русскихъ писателей, объявлено было ему Высочайшее повелѣніе о выбитіи въ честь его особой медали. Такого почета изъ русскихъ писателей Дѣдушка удостоился первый.

Онъ былъ сынъ бѣднаго армейскаго офицера, и, хотя родился въ Москвѣ, въ 1768, но дѣтство провелъ въ глухомъ Оренбургскомъ краю, не получивъ до 8 лѣтъ почти никакого воспитанія.

На четвертомъ году жизни, въ одной изъ крѣпостей на рѣкѣ Уралѣ, куда переѣхалъ по службѣ его отецъ, мальчикъ едва не былъ убитъ вмѣстѣ съ родителями Пугачевымъ, казакомъ, взбунтовавшимъ недовольныхъ помѣщиками крестьянъ. По усмиреніи Пугачева, отецъ перешелъ въ статскую службу въ Тверь и самъ выучилъ сына грамотѣ, а въ 1779 г. умеръ, оставивъ 11-лѣтняго Крылова съ матерью безъ всякихъ средствъ.

Мать Крылова была женщина добрая, сердечная, не глупая и сильная характеромъ. Она билась изо всѣхъ силъ, чтобы какъ-нибудь прокормить сыновей (Дѣдушка былъ старшій) и себя,—даже ходила по домамъ читать по покойникамъ псалтырь.

*

Послѣ отца остались кой-какія книжки, и съ жадностью набросился на нихъ любознательный мальчикъ, изъ милости ходившій учиться французскому языку въ семейство одного чиновника. Въ одной грамотѣ, неважномъ знаніи французскаго языка, да прочтеніи нѣсколькихъ книжекъ и заключалось все образованіе Крылова, который уже самъ долженъ былъ дополнять его впослѣдствіи чтеніемъ и изученіемъ языка. Мальчику бы слѣдовало поступить въ какое-нибудь учебное заведеніе, но средствъ на это не было, и, вмѣсто школы, онъ на 14 году поступилъ на службу писцомъ въ Уѣздный судъ маленькаго города Калязина, а потомъ въ Твери, гдѣ видѣлъ много горя. Еще и раньше, съ 11 лѣтъ, онъ уже былъ опорой семьи, которой помогалъ, зарабатывая гроши перепиской бумагъ.

Но, какъ ни тяжело было положеніе мальчика, онъ, отъ природы даровитый и наблюдательный, находилъ себѣ развлеченіе, рано присматриваясь къ жизни... Бродя по Твери, на Волгѣ прислушивался онъ на портомойняхъ къ разговорамъ прачекъ, бродилъ по базарамъ, качелямъ и кулачнымъ боямъ; вмѣшивался въ толпу и прислушивался къ разговору простолюдиновъ, отъ которыхъ узналъ не мало смѣшныхъ разсказовъ. Здѣсь-то и познакомился Крыловъ съ простонароднымъ языкомъ, пословицами, поговорками да всякими розсказнями, которыя такъ пригодились ему черезъ много лѣтъ въ его басняхъ.

Пятнадцати лѣтъ поѣхалъ онъ съ матерью въ Петербургъ хлопотать о пенсіи за службу отца; но пенсіи не добился, и опять опредѣлился писцомъ въ казенную палату на 12 рублей въ годъ жалованья. Цѣлыхъ пять

лѣтъ промаялся еще онъ съ матерью въ Петербургѣ до ея смерти.

Не разъ потомъ мѣнялъ онъ службу, кое-что пописывалъ для театра, но безъ особеннаго успѣха, даже издавалъ журналы, служилъ нѣкоторое время учителемъ въ провинціи, въ барскомъ домѣ князя Голицына,—словомъ, перевидалъ и переиспыталъ очень много.

На настоящую свою дорогу баснописца вышелъ онъ только 37 лѣтъ, въ 1805 году. Случайно перевелъ онъ съ французскаго три басенки баснописца Лафонтена. Робко принесъ онъ ихъ на просмотръ тогдашнему извѣстному баснописцу и знатному человѣку, Ивану Ивановичу Дмитріеву. Тому онѣ понравились, и вотъ черезъ этого-то Дмитріева, познакомившаго его со многими писателями и знатными лицами, и началась извѣстность Крылова, первое собраніе басенъ котораго, числомъ 23, вышло въ 1809 году (всѣхъ басенъ за 40 лѣтъ съ 1805—1844 гг. написано имъ до 200). Баснями называются маленькіе шуточные стихотворные разсказы, гдѣ, подъ видомъ животныхъ, растеній, а то и людей, дается какое-нибудь полезное нравоученіе. Хорошія басни писалъ у французовъ Лафонтенъ; были и у насъ до Крылова баснописцы: Хемницеръ, Дмитріевъ, Измайловъ; но никто еще до Дѣдушки не писалъ басенъ такъ просто, занимательно, то смѣшно, то трогательно, а главное, такимъ мѣткимъ народнымъ русскимъ языкомъ, какъ Дѣдушка. Потому-то и пріобрѣлъ онъ вдругъ такую извѣстность.

Въ 1812 г. вліятельные покровители Крылова опредѣляютъ его на службу библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, и онъ переселяется почти на всю остальную жизнь на казенную квартиру.

Директоромъ библіотеки былъ тогда А. Н. Оленинъ, у котораго въ домѣ собирались лучшіе писатели. Этотъ домъ былъ до самой смерти самымъ близкимъ къ Крылову. Оленины пригрѣли одинокаго писателя, который бывалъ у нихъ чуть не каждый день, и замѣнили ему семью. Жена Оленина, умная, кроткая и образованная Елизавета Марковна, особенно тепло относилась къ нему, называя его своимъ „крылышкомъ“. Ея дочери съ дѣтства привыкли къ ласковому Дѣдушкѣ, который баловалъ ихъ своими побасенками, а одной изъ нихъ, Анютѣ, написалъ басню: „Гребень“. По цѣлымъ днямъ проводилъ Дѣдушка время въ этомъ миломъ семействѣ, не разъ говоря хозяйкѣ:

— Елизавета Марковна! Когда наступитъ мой часъ, я приду умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ ногамъ.

Онъ не забылъ этихъ словъ, и послѣдній визитъ его передъ смертью былъ—тотъ же домъ Олениныхъ.

Тихо и мирно, въ довольствѣ и славѣ, скончался онъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и торжественно было его погребеніе въ Петербургѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Множество народа всякаго званія и состоянія проводило его до могилы. Передъ закрытіемъ гроба, послѣ отпѣванія, министръ народнаго просвѣщенія положилъ въ гробъ медаль, выбитую въ память пятидесятилѣтняго юбилея Дѣдушки.

Умеръ Дѣдушка, но не забыли его благодарные современники. Уже вскорѣ послѣ его смерти явилась мысль увѣковѣчить его имя въ Петербургѣ хорошимъ памятникомъ.

Въ 1845 г. вышло объявленіе о всеобщей всероссійской подпискѣ на этотъ памятникъ. Черезъ три года, въ 1848 г. оказалось всѣхъ собранныхъ денегъ около 30,000 руб. Предполагалось сдѣлать памятникъ въ видѣ большой бронзовой фигуры самого Крылова съ барельефами (выпуклыя изображенія на плоскости) и пьедесталомъ (основаніе, на которомъ стоитъ памятникъ), причемъ указывалось мѣсто или въ садикѣ Александровскаго театра, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Екатерины II, или же на Васильевскомъ островѣ, гдѣ Крыловъ умеръ. Государь Николай Павловичъ повелѣлъ предложить состязаніе (конкурсъ) на составленіе проекта памятника русскимъ художникамъ.

Изъ числа пяти проектовъ разныхъ художниковъ, былъ одобренъ въ 1849 г. проектъ профессора Академіи Художествъ, барона Петра Карловича Клодта фонъ-Юргенсбургъ. А поставить памятникъ повелѣлъ Государь въ Лѣтнемъ саду, гдѣ любилъ гулять и самъ Императоръ, и Дѣдушка, и гдѣ круглый годъ играютъ тысячи дѣтей, знающихъ Дѣдушку по его баснямъ.

И личность нашего знаменитаго русскаго скульптора [1]) П. К. Клодта, и самая исторія созданія памятника Дѣдушкѣ очень интересны. И вотъ, по разсказамъ его сына, извѣстнаго живописца, барона Михаила Петровича Клодта, разскажу, какъ этотъ памятникъ создавался.

---

[1]) Скульпторъ—художникъ, умѣющій лѣпить изъ глины, высѣкать изъ мрамора, отливать изъ бронзы или чугуна разныя фигуры.

Фамилія бароновъ Клодтовъ фонъ-Юргенсбургъ старинная. Произошли они изъ Эстляндіи. Отецъ скульптора первый изъ этой фамиліи поступилъ на русскую службу; мать скульптора была русская; баронство же получено было ими изъ Швеціи.

Родился Петръ Карловичъ Клодтъ въ 1805 году, воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ, и года два былъ въ офицерскихъ классахъ, состоя въ строевой службѣ. Жилъ онъ въ это время съ нѣсколькими товарищами на Выборгской сторонѣ бѣдно и въ крошечной квартиркѣ внизу. Разглядывая проходящихъ мимо лицъ и рисуя на нихъ каррикатуры, они заклеивали ими нижнія стекла оконъ. Передъ окнами останавливались проходящіе, и, къ великому смѣху шутниковъ, узнавали въ каррикатурахъ себя.

Двоюродный братъ Петра Карловича, извѣстный писатель Николай Ивановичъ Гречъ, разсказываетъ, что Клодтъ какъ-то вырѣзалъ въ то время изъ полѣна для его дѣтей лошадку, и такъ искусно, что тотъ посовѣтовалъ брату хорошенько заняться скульптурой. И вотъ, бѣдный артиллерійскій офицеръ, жившій впроголодь на одно скудное жалованье, сталъ вырѣзывать изъ дерева лошадокъ, одну за другой, продавая ихъ по знакомымъ. Одна изъ такихъ лошадокъ попала какъ-то на глаза императору Николаю Павловичу, и государь, оцѣнивъ въ юномъ офицерѣ будущаго художника, велѣлъ ему ходить учиться въ Академію Художествъ, гдѣ черезъ нѣкоторое время Клодтъ и исполнилъ удачно первую свою высоко-талантливую работу: коней на тріумфальной аркѣ (ворота въ честь побѣдителя) Нарвской заставы.

Отдавшись вполнѣ художественнымъ занятіямъ, онъ бросилъ военную службу и въ началѣ тридцатыхъ годовъ вышелъ въ отставку и поселился на Васильевскомъ островѣ, въ 5-й линіи, противъ Академіи Художествъ, прокармливая себя кое-какъ мелкими работами, — сначала просто рѣзными деревянными лошадками, а потомъ придѣлывая къ нимъ льняныя гривы, стеклянные глаза, роговыя копыта, и даже стальныя подковы.

Строго придерживаясь натуры, Клодтъ ничего не любилъ дѣлать по памяти, и каково же было удивленіе его двоюроднаго брата, Греча, когда тотъ, зайдя однажды къ нему, нашелъ у него, въ маленькой комнаткѣ, живую лошадь, позади которой сидѣлъ художникъ и преспокойно вырѣзывалъ заднія ноги своей деревянной. Тутъ же, въ комнатѣ, просушивались, на полкахъ и веревкахъ, настоящія лошадиныя кости ногъ, распространявшія тяжелый запахъ.

Горькую нужду видѣлъ въ своей юности великій художникъ, вѣрный своему любимому призванію. И не измѣнился онъ, такой простой, честный и хорошій человѣкъ, и тогда, когда, благодаря своимъ талантливымъ работамъ, получилъ званіе профессора и пріобрѣлъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, почетную извѣстность. Жилъ онъ себѣ попросту съ своимъ семействомъ, женой и шестью дѣтьми, на казенной квартирѣ, въ Академіи, безъ всякой роскоши, проводя цѣлые дни въ своихъ мастерскихъ, на Литейномъ дворѣ, въ Академіи Художествъ. Выучился онъ и литейному дѣлу, и не только лѣпилъ, но и собственноручно отливалъ свои произведенія. Одѣвался онъ по-просту, въ особую, имъ

самимъ изобрѣтенную, удобную для работы, сѣрую суконную безрукавку, и широкіе, сѣрые суконные, безъ всякого покроя, штаны; а рубашку всегда носилъ мягкую, не крахмаленную; на головѣ картузъ, а на ногахъ неуклюжіе сапоги. Не любилъ онъ и причесываться, и въ такомъ легкомъ и простомъ нарядѣ этотъ баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ ходилъ даже зимой по двору Академіи, а иногда и переходилъ черезъ улицу въ Пятую линію, въ желѣзную и москательную лавку къ своему пріятелю купцу. Всѣ на островѣ знали художника, и до сихъ поръ сохранилась еще память у Василеостровскихъ старожиловъ о „баронѣ“—какъ, звали обыкновенно, художника всѣ. Странно было видѣть этого „барона“, надѣвавшаго крахмальную рубашку и сюртукъ, чтобъ итти по дѣламъ, а тѣмъ болѣе въ мундирѣ и орденахъ, когда приводилось итти въ совѣтъ Академіи!

Къ людямъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла, къ своимъ работникамъ натурщикамъ, относился онъ необыкновенно тепло, помогалъ кому могъ, и совѣтомъ, и хлопотами, и деньгами, страстно любилъ животныхъ, и какъ всѣ любили его!...

И вотъ этому-то незлобивому, простому человѣку, какъ и самъ Дѣдушка, такому же талантливому въ скульптурѣ, какъ онъ въ басняхъ, выпала подъ конецъ жизни великая честь соорудить ему достойный и вѣчный памятникъ, гордость русской скульптуры!

Всей душой отдался онъ, получивъ одобреніе своего проэкта отъ Государя, созданію памятника, гдѣ, кромѣ образа великаго баснописца, могъ дать еще и поучительныя сцены изъ жизни животныхъ, о которыхъ разсказывалъ Дѣдушка.

Императоръ Николай Павловичъ, очень любившій Крылова и расположенный къ художнику, тотчасъ же велѣлъ послать въ распоряженіе послѣдняго живыхъ звѣрей изъ своей царской охоты, волка, орла, лисицу и медвѣдя съ медвѣдицей. Кто-то подарилъ художнику чернаго медвѣдя—муравейника, а изъ Финляндіи, куда Клодтъ часто ѣздилъ, привезъ онъ самъ маленькаго волчонка. Художникъ Боголюбовъ привезъ съ острова Мадейры обезьяну—макаку. Звѣрей же наиболѣе рѣдкихъ напр. льва, тигра, ѣздилъ Клодтъ лѣпить въ звѣринецъ Зама, на Мойкѣ.

До сихъ поръ у барона были на Литейномъ дворѣ только двѣ мастерскія—каменная, да литейная, а собственно для работы надъ памятникомъ построили тамъ же—бревенчатую, почему и называлась она „деревянной“. Въ этой деревянной мастерской въ обычномъ своемъ костюмѣ, сѣрой безрукавкѣ, принималъ художникъ и самого Императора, часто пріѣзжавшаго смотрѣть работу.

Лѣпка звѣрей для пьедестала была для семьи художника цѣлымъ событіемъ. И прежде въ домѣ бывали животныя, очень любимыя дѣтьми; и прежде дѣти, и маленькія, и побольше, часто бывали въ мастерской отца, просиживая тамъ и играя цѣлыми часами;—теперь же все юное семейство—два мальчика и четыре дѣвочки явились какъ бы настоящими соучастниками великаго созданія, живо заинтересованные тѣмъ, что и какъ дѣлаетъ отецъ для любимаго ими Дѣдушки, басни котораго они знали наизусть. Животныя стали ихъ настоящими друзьями, и прелюбопытными. Маленькій волче-

нокъ жилъ на полной свободѣ и дежурилъ въ мастерскихъ; съ нимъ же на свободѣ жили и два медвѣжонка, а макака съ Мадейры, прозванная матросами *Макаромъ Алексѣевичемъ*,—въ клѣткѣ, но часто гуляла, и выучилась даже мыть полы. Волка не боялись, играя съ нимъ, какъ съ собакой; но, когда его сажали на цѣпь за блудни, онъ становился свирѣпъ.

Съ медвѣдями было не мало приключеній; жили они на свободѣ. Разъ зимой одинъ изъ нихъ—черный муравейникъ—взобрался на столъ подъ окнами мастерской, пролѣзъ черезъ форточку и пропалъ. Уже ночью возвращался черезъ Неву по льду маляръ, жившій по сосѣдству съ мастерской Клодта и только что пріѣхавшій изъ деревни. Видитъ онъ—сидитъ на снѣгу громадная собака! Онъ поманилъ ее; обрадованный Мишка подбѣжалъ къ нему и поднялся на заднія лапы. Каковъ же былъ ужасъ маляра, когда онъ увидѣлъ, что передъ нимъ не собака, а медвѣдь! Не зная ничего о ручныхъ медвѣдяхъ Клодта, онъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать отъ него, а медвѣдь за нимъ. Добѣжали оба до квартиры мастеровыхъ на 3-ей линіи острова, гдѣ дѣло и разъяснилось, и, перепуганнаго не меньше мастерового, заблудившагося Мишку, пріютили на ночь.

Царскіе медвѣди были степеннѣе; медвѣдь былъ добрякъ; злая медвѣдица становилась кроткой только, когда хворала. Но и степенный добрякъ подчасъ проказилъ. Забрался онъ какъ-то на подоконникъ и, завязнувъ въ форточкѣ, повисъ на переднихъ лапахъ; оретъ Мишка во всю мочь, а на улицѣ народъ собирается и дразнитъ Мишку. Сбѣжались въ мастерскую дѣти, и старшій сынъ

Клодта, схвативъ своего любимца за уши и поддавъ ему сзади пинка, освободилъ проказника. Мишка былъ очень доволенъ и какихъ только не выдѣлывалъ тутъ штукъ на радостяхъ!

Волка звали Волей, и жилъ онъ съ дѣтьми очень дружно. А когда, по окончаніи работъ надъ памятникомъ, Петръ Карловичъ подарилъ его въ звѣринецъ Зама, Воля узнавалъ дѣтей даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, радовался ихъ приходу и, какъ собака, лизалъ имъ руки.

Кромѣ этихъ животныхъ, въ мастерской же жили еще орелъ въ клѣткѣ, огромная финляндская лягушка въ стеклянномъ ящикѣ, оселъ, журавль и овца съ ягненкомъ.

Припоминая свое дѣтство, сынъ покойнаго скульптора, художникъ Михаилъ Петровичъ, нарисовалъ прилагаемую картинку, на которой читатели могутъ видѣть ту самую мастерскую, гдѣ дѣти со всѣмъ этимъ звѣрьемъ проводили цѣлые дни.

Передъ нами большая „деревянная“ мастерская съ чердакомъ, гдѣ хранились формы для отливки статуй и куда взбирались по приставной къ площадкѣ лѣстницѣ. По стѣнамъ—гипсовые слѣпки лошадиныхъ плеча, ноги и головы, сдѣланные съ натуры самимъ художникомъ, засушенная лошадиная нога, гипсовыя маски, человѣческая нога, рука и грудь. Справа, на полкахъ—гипсовая лошадка и бюсты. [1]) Съ потолка спускаются гимна-

[1]) Скульптурное изображеніе одной головы человѣка или туловища до пояса.

стическая веревочная лѣстница и узловатый канатъ, по которымъ лазили не только дѣти, но и Макаръ Алексѣевичъ съ Мишками. Случалось, напримѣръ, такъ: взберутся ребятишки наверхъ, за ними лѣзетъ Мишка, а его теребитъ за ноги Макарка. Направо слесарный станокъ съ тисками для приготовленія „*каркасовъ*“, т. е. желѣзныхъ и деревянныхъ основъ, на которыхъ держится глина вылѣпляемыхъ фигуръ. На полу лошадиный черепъ, проволока, молотокъ. Въ глубинѣ мастерской самая статуя дѣдушки Крылова съ книжкой, совсѣмъ оконченная, съ которой уже снимается форма. Слѣва самый пьедесталъ съ животными, частію покрытый мокрыми тряпками, чтобы не сохла глина. Самъ художникъ въ своемъ обычномъ костюмѣ стоитъ на пустыхъ ящикахъ, которыхъ было у него много для подставокъ. Онъ занятъ окончаніемъ пьедестала, и, весь отдавшись лѣпкѣ любимыхъ животныхъ, не обращаетъ никакого вниманія на происходящую въ мастерской сцену.

А сцена прелюбопытная, и заняты ей и дѣти, и любимецъ художника, формовщикъ Арсеній. Старикъ даже бросилъ дѣлать гипсовую форму для памятника и, съ деревяннымъ ковшомъ въ одной рукѣ и съ лопаточкой въ другой, смотритъ на происходящее. А происходитъ вотъ что: лежалъ, лежалъ Мишка и захотѣлъ поиграть. Всталъ на заднія лапы и пошелъ къ овцѣ,—а овца съ ягненкомъ стала въ оборонительное положеніе и, опустивъ голову, ждетъ, когда Мишка подойдетъ ближе. И какъ только тотъ сдѣлаетъ еще шагъ, она съ разбѣга и хватитъ его лбомъ прямо въ животъ. Мишка

полетитъ брюхомъ вверхъ и заоретъ, а тамъ опять встанетъ на заднія лапы, и повторится не разъ тоже самое. Глядя на проказниковъ, волкъ, у ногъ дѣтей, насторожилъ уши, а Макаръ Алексѣевичъ принялъ бы участіе въ забавѣ, да посаженъ за проказы на цѣпь. Смотритъ на зрѣлище изъ своей клѣтки и орелъ. Одинъ только журавль, отвернувшись, преспокойно чиститъ себѣ крыло, да другой Мишка растянулся у ногъ художника, на ящикѣ, и сосетъ лапу. Въ глубинѣ мастерской, въ нижней клѣткѣ, сидитъ третій медвѣдь, а въ верхней лиса, и оба тоже смотрятъ на происходящее.

Цѣлыхъ четыре года слишкомъ работалъ художникъ надъ памятникомъ, и удался онъ ему на славу. Дѣлали у насъ памятники и до Клодта многіе художники; но не было въ этихъ памятникахъ простоты и жизни. На этомъ памятникѣ сидитъ Дѣдушка совсѣмъ какъ живой въ своемъ обычномъ просторномъ сюртукѣ, который художникъ слѣпилъ по собственному сюртуку Крылова. Такой Дѣдушка былъ большой и полный, что въ этотъ сюртукъ завертывались сразу по нѣскольку дѣти художника. Сидитъ Дѣдушка съ книжкой и задумался, грустно смотря на василекъ, растущій у его ногъ. Подъ Дѣдушкой гранитный пьедесталъ, какъ бы съ бронзовымъ поясомъ изъ басенъ, сгруппированныхъ вмѣстѣ и съ тремя медальонами: на одномъ басня „Фортуна и нищій“, на другомъ „Демьянова уха“, на третьемъ надпись: „Крылову“.

Седьмого апрѣля 1854 года баронъ Клодтъ донесъ Государю, что памятникъ совершенно готовъ для постановки, и въ маѣ получено было Высочайшее разрѣшеніе

приступить къ постановкѣ монумента въ Лѣтнемъ саду. Но постановка однако при жизни Императора Николая Павловича, по случаю Крымской войны, не состоялась, и поставленъ онъ былъ въ Лѣтнемъ саду, на выбранной самимъ художникомъ круглой площадкѣ, гдѣ, обыкновенно, играютъ дѣти, уже при покойномъ Государѣ Александрѣ II, 14-го мая 1855 г. Оставшаяся же, за всѣми расходами по памятнику, сумма, около 2,500 р., въ память Дѣдушки, была роздана раненымъ въ Крыму и вдовамъ и сиротамъ убитыхъ.

Такимъ-то образомъ, русскій народъ и дѣти, такъ любящія басни Дѣдушки, скончавшагося уже болѣе 50 лѣтъ назадъ, могутъ не только что вспомнить его, читая его чудные разсказы, но и видѣть его живой образъ, благодаря художнику, съ чудесно изображенными лицами басенъ, особенно животныхъ, которыхъ художникъ лѣпилъ неподражаемо.

Викторъ Острогорскій.

БАСНИ
ДѢДУШКИ КРЫЛОВА.

Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да призадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:

„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ.—„Нѣтъ, кумушка, далеко!“
—„Гляди-же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну каково?
Пополнилась-ли я?“—„Почти-что ничего.“
—„Ну, какъ теперь?“ — „Все тожъ“. Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

—

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять яснѣй
Послушай басенки моей.

—

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
„Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?“
—„Затѣмъ, что вся въ снѣгу;
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу“.
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
—„Бездѣлица!“ огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,

Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!"
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ! Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

Волкъ и ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

—

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно-жъ бѣдѣ случиться,

Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!“
—„Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить его никакъ я не могу.“
—„Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь-же какъ-то нагрубилъ!
Я этого пріятель не забылъ!“
—„Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,“
Ягненокъ говоритъ.—„Такъ это былъ твой братъ“.
—„Нѣтъ братьевъ у меня“. — „Такъ это кумъ иль
сватъ,
И словомъ, кто нибудь изъ вашего-же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.“
—„Ахъ, я чѣмъ виноватъ?“—„Молчи! усталъ я слушать,
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать."
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальныхъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
„Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него, такъ право, нѣтъ конца;
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;

Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...“ Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
„Что жъ“, говорятъ онѣ, „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!“
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься
И кутаться, и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ побрали руками.

Оселъ.

Когда вселенную Юпитеръ [1]) населялъ,
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но, съ умыслу-ль или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время,
Тучегонитель [2]) оплошалъ:
И вылился оселъ, почти какъ бѣлка, малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому оселъ не уступалъ.

---

[1]) Главный богъ у древнихъ Грековъ язычниковъ.
[2]) Юпитеръ.

Ослу хотѣлось-бы повеличаться;
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру оселъ спесивый мой,
И росту сталъ просить большого.
„Помилуй,“ говоритъ: „какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ съ великаго и до меньшого,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ;
За что-жъ къ осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ ослахъ никто ни слова?
А еслибъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.“
Что день, то снова
Оселъ мой то-жъ Зевесу [1]) пѣлъ,
И до того онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ оселъ скотиной превеликой,
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикій,
Что мой ушастый Геркулесъ [2])
Пораспугалъ-было весь лѣсъ.
„Что то за звѣрь? какого роду?
Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?“
Ну, только и рѣчей пошло, что про осла.

---

[1]) Тоже, что Юпитеръ.

[2]) Геркулесъ былъ самый сильный человѣкъ у древнихъ Грековъ.

Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

—

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.“
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

—

Къ несчастью, то-жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;

А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Орелъ и куры.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
Орелъ поднебесью леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для орла насѣстокъ незавидный;
Но у царей свои причуды есть:
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль; но только, что орелъ
Немного посидѣлъ,
И тутъ-же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
„За что орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка—сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ-же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать орловъ знатнѣе насъ:
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты-же видѣла сейчасъ,
Что по низу они летаютъ такъ, какъ куры“.

Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
„Ты пра́ва, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!“

Лягушки, просящія царя.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однако-жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Несуетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:

Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ-какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ,
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преда́нностью дерзнули.
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ.
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье́,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ иного нрава:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый день великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,

И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и квакапье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя иного;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
„Почто-жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ-ль, безумныя,“ вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
„Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ:
Живите-жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!“

Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.
„И полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“

И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ:
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ-за-шагомъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза, и приложили уши.

„О, други!“ началъ левъ: „по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и больно—
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ—за что?—совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда—кто безъ грѣха?—
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно;
Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того-бы въ жертву и принесть,
И было-бы богамъ то болѣе угодно“.
—„О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты“,
Лисица говоритъ, „въ грѣхъ ставишь это ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;

Притомъ-же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ
Ихъ чаще такъ учить—имъ это по дѣломъ:
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ,
И нашими себя вездѣ царями пишетъ".
Окончила лиса; за ней, на тотъ-же ладъ,
Льстецы льву то-же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.
За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ: „и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ".
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
„Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! Ну, диво-ли, что боги

За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!"
Приговорили—
И на костеръ вола взвалили.

—

И въ людяхъ такъ-же говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили,
И дѣлятъ межъ собой
Кто что себѣ достанетъ;
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ-же тянетъ.
„Ба, ты, косой!"
Кричатъ ему: „пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ",
—„Вотъ, братцы!" заяцъ отвѣчалъ:
„Да изъ лѣсу то кто-жъ?—все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка!"
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

—

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись:
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
„Что можетъ", говоритъ Полканъ, „пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время-бы летѣло".
—„А что-же? это дѣло!"
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:

„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
А изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ-же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно".
—„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена",
Вскричалъ Полканъ: „дай лапу!"—„Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
„Орестъ [1]) мой!"—„Мой Пиладъ! [1]) Прочь свары, зависть, злость!"
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

—

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
Послушать—кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.

---

[1]) Орестъ и Пиладъ—два вѣрныхъ друга древней Греціи, которые никогда не разставались.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня!“ кричатъ: „огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая, и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ-бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“—„Послушай-ка, сосѣдъ“,

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.
И тутъ-же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Стрекоза и муравей.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому-же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И, до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!“
— „Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала-ль ты въ лѣто?“

Говоритъ ей муравей.
— „До того-ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило.“
—„А, такъ ты...“—„Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.“
—„Ты все пѣла? это дѣло;
Такъ поди-же попляши!“

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: „куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.“

—

Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,

И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать совѣта.

—

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собою на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ щукѣ Васька говорить!
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.“
—„И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.“
—„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ-же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ—крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
„Степанушка родной, не выдай милый!
Изъ—подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись съ силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ-же батрака ругаетъ.

Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“, говоритъ: „за что?“—„За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу моська имъ,
Увидѣвши слона, ну на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться,“
Ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.“
—„Эхъ, эхъ!“ ей моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на слона!“

Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.

Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпиться какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчекъ опять!
А тутъ-бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро-бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскія горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту-же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Вороненокъ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ,
И выхватилъ ягненка;
А вòронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: „ужъ брать, такъ брать;
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;
Ну только-ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ я, какъ захочу
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!“
Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ
Барана, да какого
Прежирнаго, прематерого,
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть вцѣпился.
Тогда то онъ узналъ, что дòбычь не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ,
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окорнали,
И дѣтямъ отдали играть.

—

Нерѣдко у людей то-жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли,“ говоритъ, „помочь бѣдѣ моей?“

Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.“
Сватъ Климычъ говоритъ: „впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.“
„Эхъ, братцы, это все не такъ,“
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ,
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.“
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду попадешься—
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтывать и вкось тебѣ, и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ—
И нѣмъ, и глухъ.

Волкъ и волченокъ.

Волченка волкъ, начавъ помалу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,

Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилежнѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть захватя грѣха,
На счетъ-бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: „пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.“
—„Постой-ка“, волкъ сказалъ: „сперва мнѣ вѣдать надо,
Каковъ пастухъ у стада?
—„Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны
И плохи, кажется, и смирны.“
—„Меня такъ этотъ слухъ,“
Волкъ старый говоритъ, „не очень къ стаду манитъ;
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собахъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.“

Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

—

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ,
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ!

Крестьянинъ и лисица.

„Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?“
Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, встрѣтясь съ нею.
„Я, право, о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ, и стыдно,
И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты, за ужинъ иль обѣдъ,
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну стоятъ-ли того всѣ куры?“
Лисица отвѣчаетъ:
„Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;
Притомъ-же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ!
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ“.
—„Ну что жъ?“
Крестьянинъ говоритъ: „коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю.
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:

Кому, какъ не лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня, какъ въ маслѣ сыръ кататься".
Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ лиса.
Пошло у мужика житье лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего лисѣ довольно;
Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденный кусокъ пріѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

—

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой-бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ—
Онъ воровать не перестанетъ.

Дерево.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
„Голубчикъ", деревцо сказало молодое:
„Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ;
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простора нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы:
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!

Когда-бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина".
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ дерева большой очистился просторъ;
Но торжество его недолго было:
То солнцемъ дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ.
И вѣтромъ наконецъ то дерево сломило.
„Безумное!" ему сказала тутъ змѣя:
„Не отъ тебя-ль бѣда твоя?
Когда-бъ укрытое въ лѣсу ты возрастало,
Тебѣ-бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А если-бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло,
Тогда, въ свою чреду, ты столько-бъ возрасло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты-бъ выдержать могло!"

Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшень тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась;

И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что-жъ, хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдь йдетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?“
Хавронья хрюкаетъ: „ну, право, порютъ вздоръ,
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ“.

Волкъ и лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошекъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!“
—„Неужли?“—„Право такъ.“—„Бѣдняжка-куманекъ!

*

Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.“
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного,
Да про запасъ лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ—
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

—

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Пустынникъ и медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

—

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пустынную, какъ сладко не пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить,
Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
—„Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.“
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ—поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.

Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу“.
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ:
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „молчи-жъ, ужъ я тебя, вооструху!“
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ.“
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

Крестьянинъ и разбойникъ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ разбойнику попался.
Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ.
„Помилуй“, всплачется крестьянинъ: „я пропалъ,
Меня совсѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался:
Насилу этого дождался дня.“
—„Добро, не плачься на меня,“
Сказалъ, разжалобясь, разбойникъ:
„И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ.

Левъ на ловлѣ.

Собака, левъ да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И, что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что съ начала
Лиса оленя поимала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,

Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, не дурная!
Пришли, пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: „мы, братцы, вчетверомъ.“
И начетверо онъ оленя раздираетъ.
„Теперь давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ, лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ“.

Крестьяне и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себѣ управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть:
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;

Такъ, вѣрно, ихъ она уймет̀ъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
„На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ“.

Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей—
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

—

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ,
Стараньемъ кумушки-лисицы
Словцо о немъ замолвлено у львицы;
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худого.

Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.“
—„Сосѣдушка, я сытъ по горло.“—„Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“
—„Я три тарелки съѣлъ“.—„И, полно, что за счеты;
Лишь стало-бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна;
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда—Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ: „за то ужъ чванныхъ не терплю.

Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Мышь и крыса.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши, крысѣ мышь сказала:
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву;
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
—„Не радуйся, мой свѣтъ,“
Ей крыса говоритъ въ отвѣтъ:
„И не надѣйся по пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

Госпожа и двѣ служанки.

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки-служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокой ночи,

Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ—все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ—старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся—клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ, и морятъ на пряжѣ.
„Добро-же ты, нечистый духъ!“
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
„Безъ пѣсенъ-бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!“
И выбравши случа̀й, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;

Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ—
Злодѣя ихъ не стало:
Да барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

—

Такъ, выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же;
Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь—другія нажилъ хуже.

Крестьянинъ и смерть.

Набравъ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
„Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ....
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?“

Въ такомъ унынiи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: „зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?“
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
„Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

—

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить не тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Комаръ и пастухъ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ—подъ кустовъ
Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало;
И пастуха на свѣтѣ бы не стало:
Но, сжаляся надъ нимъ, комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде комара съ просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

—

Такихъ примѣровъ есть не мало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится—
Того и жди, что то-же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Крестьянинъ и топоръ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился;
Пошелъ топоръ въ худыхъ; мужикъ взбѣсился;
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ топоръ;
Бранить его, хоть какъ, мужикъ найдетъ причину.
„Негодный!“ онъ кричитъ однажды: „съ этихъ поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножемъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ.“
—„Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля“.
Смиренно отвѣчалъ топоръ на окрикъ злой:
„Итакъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля:
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А все ножемъ избы не срубишь.

Левъ и волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало:

Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ попалъ ко льву на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: „дружокъ!
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!“

Собака, человѣкъ, кошка и соколъ.

Собака, человѣкъ, да кошка, да сокóлъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва-ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость, и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились,
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,

Соколъ—на воздухъ, кошка—въ лѣсъ,
И человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился;
Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ, и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

—

На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что, такъ, какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выученъ, избавленъ,
Его-же покидалъ въ бѣдѣ,
Его-же ругалъ вездѣ.

Фортуна въ гостяхъ.

Домишко старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться:

Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что изъ нихъ не затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ, невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они не начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ;
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ—
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ:
Посмотришь: у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: что-жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!

Не знаю, прежде онъ бывалъ-ли въ томъ гораздъ;
А тутъ труды его не втуне:
Какъ ни взмахнетъ рукой—благодаря Фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.

—

Читатель, будь ты самъ судьею:
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

Скупой и курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать;
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупого:
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Котора яица несла,
Но непростыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ;

*

Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ,
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что-же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслыша издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ вѣрно мало толку;
Кто дѣловъ истинно—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

Мальчикъ и змѣя.

Мальчишка, думая, поймать угря,
Схватилъ змѣю, и, вòззрившись, отъ страха
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай“, говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ;
И знай съ кѣмъ шутишь!“

Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный!
„Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!

Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся".

Муравей.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука;
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться.
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:

У всякаго забота тамъ своя.
Мой муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
„Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ".
И со стыдомъ отправился домой.

—

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ не зайдетъ,

Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „ну что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьетъ".

Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими-же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
И говоритъ: „сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?"
—„Въ томъ", отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ".

Ягненокъ.

Анюточка, мой другъ!
Я, для тебя и для твоихъ подругъ,

Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ ягненкомъ.
Поставь свою ты куклу въ уголокъ:
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы ягненокъ былъ уменъ—
И мысли-бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,

И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ“,
Ей съ дуба воронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ“.
—„Пусть сохнетъ“, говоритъ свинья:
„Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были-бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“.
—„Неблагодарная!“ промолвилъ дубъ ей тутъ:
„Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ-бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ“.

—

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!“
А мельникъ говоритъ: „далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,

И ею мельница по весь мой вѣкъ богата".
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя!" кричитъ: „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать".
И въ нихъ полѣномъ хвать!
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ!

Лисица и оселъ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?"
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
—„Сейчасъ лишь ото льва!

Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь-ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами...“
—„Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“
Лиса осла перерываетъ.
—„Вотъ-на!“ оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты—
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

Крестьянинъ и овца.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу:
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья—лиса: оно въ минуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:

Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: „такого-то числа,
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки, да перышки остались;
А на дворѣ одна овца была.“
Овца-же говоритъ: она всю ночь спала;
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мясного.
И приговоръ лисы вотъ, отъ слова до слова:
„Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы:
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны.
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла,
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу“.

Дикія козы.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ дикихъ козъ;
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезы:
„Прекрасно“, говоритъ: „ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;

И не доѣмъ, и не досплю,
А милыхъ козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масло, и сыры скопляетъ;
Подъ часъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ;
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ;
А корму на зиму у пастуха запасъ!"
Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ таскаетъ:
Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь покамѣстъ не до нихъ,
И со своими жъ легче сладить:
Сѣнца имъ бросить по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То козы дикія всѣ въ горы разбѣжались:
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое-же стадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ съ сумой;
Хотя зимой
На барыши въ умѣ разсчитывалъ прекрасно.

—

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше-ли бы козъ домашнихъ поберечь?

Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѳаддей!“—„Здорово, кумъ Егоръ!“
—„Ну каково, пріятель, поживаешь?“
—„Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.“
—„Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!“
—„Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ;
Признаться въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?“—„Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ;
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И то-же черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка“.
—„Пеняйте на себя, друзья!“
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: „коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже ль и впотьмахъ“.

Разбойникъ и извозчикъ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ вечеръ добычи нажидалъ,
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ—грузный возъ катитъ, какъ валъ.
„Ого!“ разбойникъ мой тутъ шепчетъ: „знать съ товаромъ
На ярмарку; чай, все сукно, камки, парчи.
Кручина, не зѣвай! тутъ будетъ на харчи:
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ“.
Межъ тѣмъ подъѣхалъ возъ. Кричитъ разбойникъ: „стой!“
И на извозчика бросается съ дубиной;
Да лихъ, схватился онъ не съ олухомъ—дѣтиной;
Извозчикъ—малый удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталъ за добро свое горой,
И моему герою
Пришлося брать поживу съ бою.
И дологъ, и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбитъ глазъ;
Но побѣдителемъ однакожъ онъ остался:
Убилъ извозчика злодѣй.
Убилъ—и къ добычѣ скорѣй.
Что-жъ онъ завоевалъ?—Возъ цѣлый пузырей!

—

Какъ много изъ пустого
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злого.

Двѣ собаки.

Дворовый вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто-бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?“
—„На счастье грѣхъ роптать“, Жужутка отвѣчаетъ:
„Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?“— „Я“, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ;
„Живу по прежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ;

А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случа̀й попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?"—„Чѣмъ служишь! вотъ прекрасно!"
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
„На заднихъ лапкахъ я хожу".

—

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

Миронъ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить;
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди—а едваль сосѣди и не правы—
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копѣйки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы!
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по суботамъ.
И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ—
Они не заперты никакъ.
„Ахти!" подумаютъ: „бѣдняжка разорился!"
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться—

Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: „нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,
И трудно до него добиться;
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться“.

—

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты;
Да только все собаки виноваты
Мироны жъ сами въ сторонѣ.

Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая,
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота,
И молитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто тутъ изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной“.—„Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ“, котъ Васька говоритъ.
—„То такъ; да у него я ободралъ барана.
—„Ну, попытайся жъ у Демьяна“.

*

—„Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка“.
—„Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
—„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!“
—„Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!“
—„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“
—„Что вижу, кумъ, ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!“
Сказалъ тутъ Васька волку:
„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни“.

Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жйла
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность-ли, судьба-ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй,
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!

Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда-сюда метаться;
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью волкъ бѣжитъ. „Другъ милый! кумъ! отецъ!“
Кричитъ лиса: „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“
Вотъ кумъ остановился,
И въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей.
Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй—
Остался бъ хвостъ у ней.

Два мальчика.

„Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!“
—„Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!“

—„И, милый, да на что жъ догадка!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь посади,
А тамъ мы сами умудримся,
И до сыта каштановъ наѣдимся“.
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ наконецъ вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться,
И съ другомъ подѣлиться.
Что жъ? Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

—

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали!

Левъ и мышь.

У льва просила мышь смиренно позволенья,
По близости его въ дуплѣ завесть селенье,
И такъ примолвила: „хотя де здѣсь въ лѣсахъ,

Ты и могучъ, и славенъ;
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;
Но будущее кто угадывать возьмется:
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется!
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подъ часъ тебѣ и пригожусь".
—„Ты!" вскрикнулъ левъ: „ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху".
Тутъ мышка, бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ—простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.
Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Что-бы помочь она ему съумѣла,
Что сѣть-бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель, истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя;
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь—пригодится
Воды напиться.

Чижъ и голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался;
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно ль“, говоритъ: „средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло“.
Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ!
И дѣло:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
„Смотри-ка“, говоритъ: „кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски
Когда-бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть!
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
—„Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?“
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

—

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ [1]).
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Квартетъ [2]).

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса [3]), альта [4]), двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки [5])—дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,

---

[1]) Сатира — сочиненіе, въ которомъ осмѣивается какой нибудь порокъ или недостатокъ.

[2]) Пѣсня, разыгрываемая на четырехъ различныхъ инструментахъ.

[3]) Скрипка съ низкимъ ладомъ.

[4]) Скрипка съ высокимъ ладомъ.

[5]) Палочка съ натянутыми на нее волосами, которою играютъ на скрипкѣ.

Я, прима [1]), сяду противъ вторы [2]);
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ“,
Кричитъ оселъ: „мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ“.
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;
„Пожалуй“, говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“
—„Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй“,
Имъ отвѣчаетъ соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь“.

---

[1]) Первый, лучшій музыкантъ.
[2]) Второй музыкантъ.

Фортуна [1]) и нищій.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ оконьемъ таскался,
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы не набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что безъ пути алкая
И новаго богатства добывая
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,

---

[1]) Богиня счастья у древнихъ Грековъ язычниковъ.

Забрался по уши, и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ: знай честь!
Тутъ нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
„Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ;
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла.“
Едва отъ радости мой нищій дышитъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
„Довольно ль?“—„Нѣтъ еще“.—„Не треснула бъ?“—
„Не бойсь“.
—„Смотри, ты Крезомъ [1]) сталъ“.—„Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось“.
—„Эй полно! посмотри, сума ползетъ ужъ врозь“.
—„Еще щепоточку“. Но тутъ кошель прорвался.

---

[1]) Древній греческій царь, прославившійся своимъ огромнымъ богатствомъ.

Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;
Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ,
И нищій нищенькимъ по прежнему остался.

Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработàли, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали;
А такъ какъ мужичекъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились,
И къ чашкѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного на троихъ,
Смекнулъ какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
„Ребята“, говоритъ: „вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему“.
—„Какой наборъ?“—„Да такъ! Есть слухъ — война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ“.
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и подъ часъ реляціи [1]) читали),

[1]) Донесенія съ поля сраженія.

Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу—и щи, и кашу, все пріѣлъ.

—

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Предисловіе I
Дѣдушка Крыловъ и его памятникъ 1

БАСНИ ДѢДУШКИ КРЫЛОВА.

Ворона и лисица 17
Лягушка и волъ 18
Роща и огонь 19
Волкъ и ягненокъ 20
Обезьяны 22
Оселъ 23
Мартышка и очки 25
Орелъ и куры 26
Лягушки, просящія царя 27
Прохожіе и собаки 29
Моръ звѣрей 30
Заяцъ на ловлѣ 33
Собачья дружба 34
Волкъ на псарнѣ 36
Стрекоза и муравей 37
Пѣтухъ и жемчужное зерно 38
Щука и котъ . . . . . —
Крестьянинъ и работникъ 40
Слонъ и моська 41
Обозъ . . . . . —
Вороненокъ 43
Крестьянинъ въ бѣдѣ 44
Волкъ и волченокъ 45
Обезьяна 47
Крестьянинъ и лисица 48
Дерево 49
Свинья 50
Волкъ и лисица 51
Лебедь, щука и ракъ 55
Пустынникъ и медвѣдь . . . . . —
Крестьянинъ и разбойникъ 55
Левъ на ловлѣ . . . . . —

	стр.
Крестьяне и рѣка	56
Мірская сходка	57
Демьянова уха	58
Мышь и крыса	59
Госпожа и двѣ служанки	—
Крестьянинъ и смерть	61
Комаръ и пастухъ	62
Крестьянинъ и топоръ	63
Левъ и волкъ	—
Собака, человѣкъ, кошка и соколъ	64
Фортуна въ гостяхъ	65
Скупой и курица	67
Двѣ бочки	68
Мальчикъ и змѣя	69
Волкъ и журавль	—
Муравей	70
Лисица и виноградъ	71
Трудолюбивый медвѣдь	72
Ягненокъ	—
Свинья подъ дубомъ	73
Мельникъ	74
Лисица и оселъ	75
Крестьянинъ и овца	76
Дикія козы	77
Два мужика	79
Разбойникъ и извозчикъ	80
Двѣ собаки	81
Миронъ	82
Волкъ и котъ	83
Лиса	84
Два мальчика	85
Левъ и мышь	86
Чижъ и голубь	88
Зеркало и обезьяна	—
Квартетъ	89
Фортуна и нищій	91
Три мужика	93

Въ Петербургѣ и Москвѣ во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (И. Глазунова, Новаго Вр., Карбасникова М. М. Ледерле и др.) продаются книги Виктора Острогорскаго.

---

1) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 5-е. М. 1896 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

2) **Изъ народнаго быта.** Разсказы изъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ; **Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ.** Изд. 4-е. М. 1896. г. Ц. 20 к.

3) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Изд. 4-е. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

4) **Хорошіе люди.** Сборникъ разск. съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

5) **Памяти Пушкина. Очерки Пушкинск. Руси.** Спб. 1880 г. Ц. 50 к. (Печатается новое изданіе).

6) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. **И. А. Гончаровъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к. — II. **Н. Г. Помяловскій.** Ц 40 к. — III. **М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1894 г. Ц. 50 к.—IV. **Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

7) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

8) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній,** Л. Эккардта съ прил. «Краткаго учебника теоріи поэзіи». Изд. 2-е. Одобрено У. К. М. Н. П., какъ руковод. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. (готовится новое изданіе переработанное).

9) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. М. 1886 г. Ц. 80 к.

10) **Выразительное чтеніе**. Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 50 к.

11) **Русскіе писатели, какъ восп.-образов. матерьялъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Гр. Л. Толстой, Погосскій). Изд. 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

12) **Родные поэты**, для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

14) **Наталья Борисовна Долгорукова**. Ц. 10 к.

15) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 дѣйств. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ, Первый шагъ; Въ бель-этажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

16) **С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

17) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ**, пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

18) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи**. Изд. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». М. 1894. Ц. 40 к. (Печатается новое изданіе).

19) **Изъ исторіи моего учительства**. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 г.) изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г Ц. 1 р. 25 к.

2014243651